

манеж в «октябре» / manege in «octyabr»

Виса Койсо-Канттила
Заблудившиеся дети в моем фильме – родители
Visa Koisso-Kanttila
The parents are the lost children in my film

Владимир Котт
В моем фильме никогда не стреляют, потому что у меня было счастливое детство
Vladimir Kott
There's no shooting in my movies because I had a happy childhood

«Империал»-реклама

IMPERIALE

Chopard

Бутики Chopard
Москва: ЦУМ; Третьяковский проезд, 9
Кутузовский пр-т, 31; Барвиха Luxury Village
С.-Петербург: ДЛТ; Сочи: «Родина Гранд Отель и Спа»

тел. 8 800 700 0 800

ЭКСКЛЮЗИВНО В *Mercury*

JÖRN JOHAN DONNER

JURY

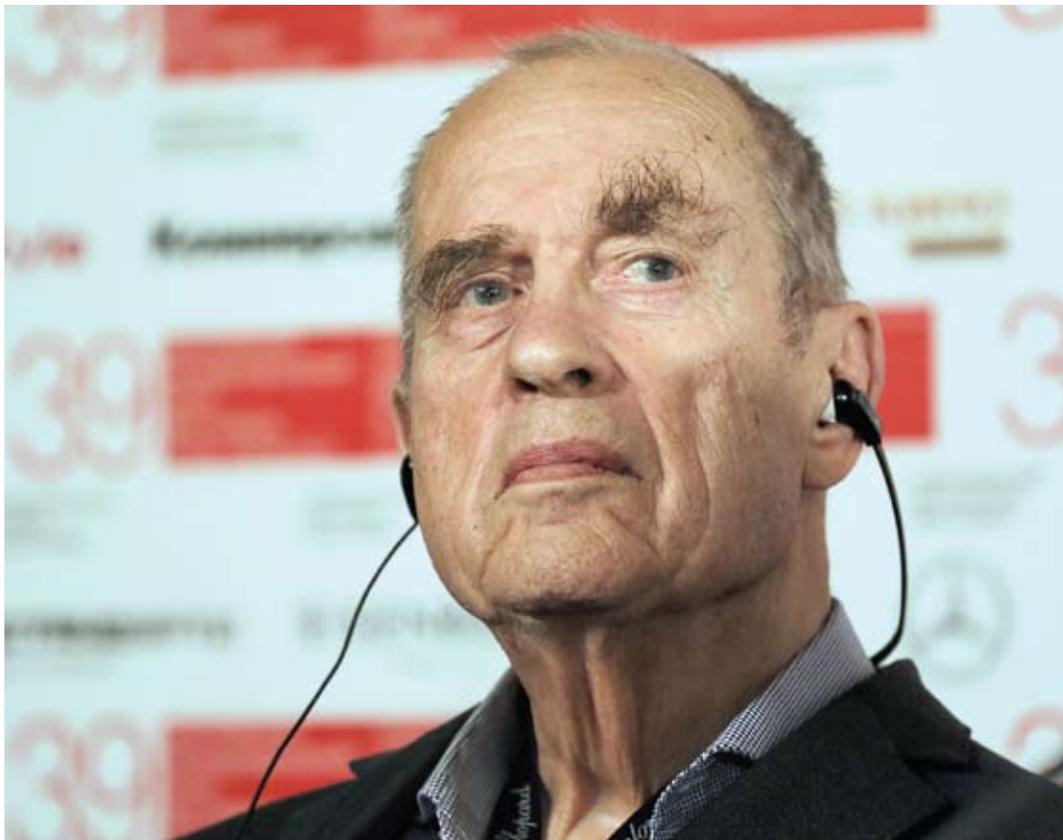
At the jury press conference of the 39 MIFF Jörn Donner made two harsh statements. There were traditional questions about expectations from the festival, suggesting politely-impersonal answers in the spirit of «For World Peace». For the first time, the Finnish-Swedish film classic cut off the exchange of courtesies with a replica of «Nothing to talk about, come next Thursday!» (That is, the day the festival ends). The second remark was that good cinema in general is an exception, and the rule is bad films. However, between this there were words about Ingmar Bergman, with whom Donner was friends for more than half a century (and released several books and films about him), and about the ways of developing Finnish cinema, which the guest of the Moscow International Film Festival categorically refused to predict, saying something in the along the lines of that predictions are for astrologists.. Donner is harsh, provocative, blatant. He is the complete opposite of figures that are «comfortable», diplomatic and «pleasant in every respect».

The enfant terrible of Finnish and Swedish culture over the past sixty years, Donner has never tried to be liked or, especially, please the public. Everything that is written about him, is full of epithets like «scandalous», because literally everything seemed to the scandalous about the North European director. Beginning with the characteristics «he smoked, swore and drank whiskey on television» (a quotation from the publishing annotation to the autobiography «Mammoth» in 2013), and ending with the story of the resignation of the director of the Swedish Institute of Cinematography in 1982. Congratulating the legendary director on his 80th birthday, the Swedish radio, with poorly concealed admiration, calls him «a professional provocateur». Yes, he always gave many reasons to talk about himself – as a director, producer (on his account, including «Fanny and Alexander» by Bergman), writer, politic (MP in the European Parliament and the Finnish parliament). 33 films and, hold on to your hats, 50 books! Knowing this, it is easy to agree with his words from the 31st MIFF, where he premiered his «The Interrogation»: «Today it is quite difficult to shoot those who do not want to work in the genre of commercial, mainstream cinema. I'm too lazy to fight for making films, because I'm a writer. I can write books, publish articles, in short, I can do other things».

Nevertheless, after that he made a film with which he participated in the 37th MIFF competition. The film «Armi Alive!» Was a rather unusual (partly in the style of a parody of some kind, a costume musical) by the biopic of Armi Ratia, creator of the Finnish fashion industry and close friend of the director. At that festival press conference, the classic contestant was being his usual self, talking about «the scene in which Armi has sex with the president of Finland, though it happens behind the scenes».

Then the viewers who watched «Armi alive!» Were puzzled, because – even though President Urho Kekkonen was mentioned in the film – there was nothing hinting at any regional adultery. And this is a very important detail of the notorious «provocative» Jörn Donner. After what he told me, it did not make sense to me how the children of Armi Ratia and the heirs of her empire could approve the film. After viewing the film it seemed obvious. Creating a certain image and «playing to the public», Jörn Donner is soft, delicate and elegant in his work. And media appearance?.. – Yes, but it can be considered only one more work of the talented artist.

Igor Savelev

Жюри / Йорн Йохан Доннер

ДЕПУТАТ БАЛТИКИ

На пресс-конференции жюри 39 ММКФ Йорн Доннер выступил с двумя резкими заявлениями. Прозвучали традиционные вопросы об ожиданиях от фестиваля, предполагавшие вежливо-безличное общение. В первый раз финско-шведский киноклассик оборвал обмен любезностями репликой «Не о чем говорить, приходите в следующий четверг!» (то есть в день окончания фестиваля). Вторая реплика касалась того, что хорошее кино вообще является исключением, а правилом – плохие фильмы. Впрочем, между этим прозвучали слова и об Ингмаре Бергмане, с которым Доннер дружил более полувека (и выпустил о нем несколько книг и фильмов), и о путях развития финского кино, которые член жюри ММКФ категорически отказался предсказывать, высказав что-то в духе, что за предсказаниями – это к астрологу. Доннер резок, провокационен, неудобен. Он полная противоположность фигурам, которые «удобны», дипломатичны и «приятны во всех отношениях». Enfant terrible финской и шведской культуры на протяжении последних шестидесяти лет, Доннер никогда не пытался понравиться или, тем более, угождать публике. Все, что о нем на-

писано, пестрит эпитетами вроде «скандальный», потому что скандальным северо-европейскому обывателю казалось буквально все. Начиная с характеристики в стиле партсобраний – «курил, ругался и пил виски на телевидении» (цитата из издательской аннотации к автобиографии «Мамонт» 2013 года), и заканчивая историей с уходом с поста директора Шведского института кинематографии в 1982-м. Поздравляя легендарного режиссера с 80-летием, шведское радио с плохо скрытым восхищением называет его «профессиональным провокатором». Да, он всегда давал много поводов говорить о себе – как о режиссере, продюсере (на его счету, в том числе, «Фанни и Александр» Бергмана), писателе, политике (депутатство в Европарламенте и финском парламенте). 33 фильма и, внимание, 50 книг! Зная это, легко согласиться с его словами, прозвучавшими на 31 ММКФ, на котором состоялась премьера его «Допроса»: «Сегодня достаточно сложно снимать тем, кто не хочет работать в жанре коммерческого, мейнстримовского кино. Я слишком ленив, чтобы бороться за создание фильмов, потому что я писатель. Я могу писать книги, публиковать статьи, короче, могу заниматься другими вещами». Тем не менее, после этого он

снял кино, с которым участвовал в конкурсе 37 ММКФ. Фильм «Арми жива!» представлял собой довольно необычный (отчасти в стиле пародии на какой-то, что ли, костюмный мюзикл) байопик Арми Ратиа, создательницы финской индустрии моды и подруги режиссера. На той фестивальной пресс-конференции классик-конкурсант был в своем репертуаре, рассказывая о «сцене, в которой Арми занимается сексом с президентом Финляндии, правда, происходит это за кадром». Тут зрители, посмотревшие «Арми жива!», озадачились, потому что – хоть президент Урхо Кекконен и упоминался в фильме – ничего там не намекало ни на какой околостатусный адюльтер. И это очень важная деталь пресловутой «провокационности» Йорна Доннера. После того, что он рассказывал, не укладывалось в голову, как дети Арми Ратиа и наследники ее империи могли одобрить фильм. После просмотра же – это казалось очевидным. Создавая определенный образ и «играя на публику», Йорн Доннер мягок, деликатен и тонок в творчестве. А медийный облик?.. – да, но его можно считать лишь еще одним произведением талантливого художника.

Igor Savelev

ВТОРОЕ «Я»

КОНКУРС СЕЛФИ (SELFIE) / РЕЖ. ВИКТОР ГАРСИЯ ЛЕОН

Пожалуй, если собрать все факты того, как повлияли на кино феномен мобильной камеры и культура селфи, то это будет многотомный труд. Многотомный, но пустоватый: по-настоящему концептуального найдется не так много. Например, «Такси» Джафара Панахи: иранские власти запретили опальному режиссеру снимать кино, так он (формально) и не снимал, просто закрепил в машине камеру и прикинулся таксистом... Упомяну его, потому что Виктор Гарсия Леон какой-то (небольшой) степени пытается играть на том же тематическом поле, заявляя о «Селфи» как о высказывании политическом и внедряя своего героя Боско в реальные демонстрации на мадридских улицах. Но в отличие от многих коллег, постаравшихся выжать максимум из феномена селфи, Гарсия Леон вроде бы и не претендует на «концептуальность». Он предлагает нарочито простой сюжет и идею, затем, чтобы достоинства его картины были обнаружены в том, в чем, может, и не ожидаешь.

Судьба молодого баловня судьбы, у которого разом отбирают всё, проигрывалась в искусстве сотни раз. В «Селфи» с первых же минут легко угадать, например, что именно затюканная горничная Клаудиа, над которой потешается Боско, вскоре пустит его на ночлег, тогда как все как бы друзья из среды золотой молодежи (и не молодежи) начнут вежливо или не слишком вежливо «сливать» забраванного собрата. (Фильм Гарсия Леона интересен еще и тем, что это целая энциклопедия – как, с какими улыбками, формулировками, приемчиками люди это делают.) Отца Боско, коррумпированного министра, арестовывают в тот самый момент, когда великовозрастный и несколько карикатурный «мажор» задувает свечи на именинном торте. Дальше

семья, как-бы-девушка, друзья, дом, машина, университет... – все это мигом растворяется в мадридском зное. Попытки раздобыть еды и денег Боско чередуют с безуспешными визитами в тюрьму: тут он становится особенно косноязычен, не в силах объяснить камере, удалось ли задать отцу главные вопросы.

Если изучать все киноэксперименты, построенные на принципе селфи, подряд, то обнаружится, что эта «новая возможность» навешивает на режиссера гораздо больше ограничений-условностей. Вот от них Гарсия Леон оказывается свободен: даже название его фильма является обманом, потому что это не селфи. Героя снимает уж совсем неведомый «лирический герой». Когда режиссеру нужно, он (как персонаж) есть: собеседники Боско то и дело натываются на его дружка-оператора недоуменными взглядами, или протестуют. Когда режиссеру нужно другое, условный оператор становится фигурой отсутствия, а то и «раздваивается». А нужно это по мере того, как Боско окончательно теряет свою улыбку идиота.

В конце концов фильм этот оказывается действительно «про политику», но не в плане поворотов сюжета и

каких-то испанских реалий, важных авторам. Сам Боско, вроде бы ни на что не претендующий недоросль, оказывается идеальной моделью политика, «генеалогии» политика (и почему мы удивляемся, что у нас дети больших начальников проявляют вдруг исключительные способности в этих же сферах?). По мере того, как рушится уклад жизни, Боско все лихорадочнее начинает «нести пургу», и вдруг видно, что бойко выступать обо всем, не зная на самом деле ничего, это не стратегия, а почти физиологическая потребность. Чем больше все рушится дальше – тем явнее распадается даже мимика «своего в доску парня» на полтора картонных жеста. Наконец, не в силах спастись и каждой глупостью ежеминутно ухудшая свою ситуацию, Боско оказывается на удивление «живуч» и как бы сам собой все время выныривает из водоворота, ничего для этого не делая, вернее, делая что-то на уровне простейших рефлексов-инстинктов. Если ты родился политиком, то тебя и не утопить, как бы ничтожен ты ни был: пожалуй что так.

Игорь Савельев

SELFIE

MAIN COMPETITION

DIR. VÍCTOR GARCÍA LEÓN

If someone undertakes to put together all the evidence of the influence of mobile cameras and the culture of selfie on the phenomenon of cinema, he'll get a multi-volume study. Multi-volume, but somewhat meaningless: there won't be a lot of really conceptual discoveries. Jafar Panahi's «Taxi»: Iranian authorities banned the director in disgrace from making movies and (formally) he did not. All he did was fix a camera in a car and pretend to be a taxi driver... I mention him here because Víctor García León tries (to a minor degree) to use the same tactics, positioning «Selfie» as a political pronouncement and thrusting his protagonist Bosco in the midst of real demonstrations in the streets of Madrid. But unlike many of his colleagues who try to make the most of the «selfie» phenomenon, García León does not claim «conceptuality». He intentionally proposes a simple plot and message to allow us to discover the merits of his movie elsewhere, where we don't expect them.

The fate of a young darling of fortune who is robbed of everything in a wink has been described in arts a hundred times. In «Selfie» it is easy to guess from the start that the harassed chambermaid Claudia, whom Bosco makes fun of, will soon let him stay the night while all his friends from the gilded youth (and not only youth) milieu will politely or not too politely turn down their discarded brother. (García León's movie is also interesting as an encyclopedia of the ways, tricks, smiles and phrasing they use in the situation). Bosco's father, a corrupted minister, is arrested precisely at the moment when the grown-up caricaturish «major» blows out the candles on the birthday pie. And then the family, the so-called girlfriend, the friends, the house, the car, the University – everything dissolves in the heat of Madrid. His attempts to get food and money are interspersed with futile visits to the prison: here he becomes particularly inarticulate, unable to explain on-

camera if he could pose the essential questions to his father. If we look indiscriminately at all the experiments based on the principle of selfie, we'll see that this «new opportunity» places a lot of constraints on the director. But García León is free from them. Even the title of his movie is misleading, because it is not a selfie. The main character is filmed by the completely invisible «persona». When the director needs him, he exists (as a character): all the time Bosco's interlocutors cast uncomprehending glances at his cameraman pal or protest. But when the director wants a different situation, the so-called cameraman becomes a figure of absence, or even bifurcates. It becomes necessary as Bosco gradually loses his idiotic smile. In the long run this movie turns out to be «about politics», but not in terms of plot twists or Spanish realia, important to the author. Bosco himself, the seemingly unpretentious young

oaf, turns out to be an ideal model of a politician, the «genealogy» of a politician (why are we surprised that children of big bosses demonstrate exclusive talents in the same area?). Gradually, as his familiar life crumbles to pieces, Bosco starts talking nonsense more and more feverishly and suddenly it becomes evident that speaking freely about everything knowing nothing is not a strategy, but a physical necessity. The greater the ruins, the more his mimics is reduced to one and a half cardboard expressions. Unable to escape and making his plight worse with each new stupidity, Bosco proves unexpectedly resilient and pops up from the maelstrom of his own free will without raising a finger or rather limiting his efforts to the primitive reflexes and instincts. If you were born a politician, they'll never drown you, however pitiable you might be. It seems to be the case.

Igor Savelev

РУССКИЙ КОВЧЕГ

КОНКУРС ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО
РАСКАЛЕННЫЙ ХАОС / РЕЖ. СЕРГЕЙ ДЕБИЖЕВ

Столетие октябрьской революции – тема, которая вызывает интерес во всем мире, а у себя на родине, в России, эти споры еще и несут крайне эмоциональный характер. Буквально до белого каления. При этом русская культура до сих пор не очень готова к открытому и смелому разговору о событиях 1917 года. И развязанная дискуссия на повышенных тонах вокруг еще не вышедшего в прокат игрового фильма Алексея Учителя «Матильда» о связи последнего русского императора с балериной Кшесинской – лишнее тому подтверждение. Единственное, в чем сошлись художники разных политических взглядов – в диапазоне от Леонида Парфенова с его «Цветом нации» до Никиты Михалкова в «Солнечном ударе», – тогда, в 1917 году произошла катастрофа. Погибло одно государство, культура, нация – и родилось совершенно другое. Сергей Дебижев – автор с ярким и самобытным стилем – тоже не раз обращался в своем творчестве к теме революции. По его же собственным

словам, к фильму «Раскаленный хаос» он шел без малого тридцать лет (то есть почти всю свою карьеру). Здесь, и правда, можно увидеть во всем разнообразии излюбленные художественные приемы автора. От музыки группы «Аквариум» до смеси документальной хроники, игровых эпизодов, коллажа, графики и анимации.

Разница в том, что там, где раньше Дебижев выступал в жанре абсурдистской пародии, теперь на наших глазах разворачивается яростный памфлет. Для этих целей авторский текст перемешан с отрывками из документальных свидетельств очевидцев, отчего в отдельных местах он действительно сопоставим по накалу с «Окаянными днями» того же Бунина. Впрочем, выполнен он скорее в виде эстетского представления. Рассказ поделен на два действия, в каждом из которых по несколько картин. И это не считая увертюры, антракта и эпилога.

Самое поразительное – то как Дебижев без лишних сомнений

иллюстрирует рассказ о крушении непогрешимой Российской империи кадрами из ключевых пропагандистских фильмов 20 – 30-х годов. Эйзенштейн, Пудовкин, Ромм, которые с такой страстью и вдохновением когда-то славили дело Ленина, десятилетия спустя по воле Дебижева

и с той же самоотдачей повествуют о его предательстве, оплаченном иностранными банкирами.

В такие моменты кажется, что русская история и правда замкнула круг. Последний или очередной – видимо, увидим еще лет через сто.

Никита Карцев

КРУПНАЯ РЫБА

КОНКУРС
КАРП ОТМОРОЖЕННЫЙ / РЕЖ. ВЛАДИМИР КОТТ

Тема, которую разрабатывает Владимир Котт в «Карпе...», не нова: в русской литературе ее канонический образец дал Паустовский в «Телеграмме», в русском кино – в качестве примера, наиболее знакомого широкому зрителю, можно назвать «Афону» Георгия Данелия. Конечно, тема трагического разобщения родителей и их выросших детей гораздо более широка, но в этом конкретном ее повороте главное – необъяснимость происходящего. Никто ни с кем не конфликтовал. Человек исчезает из жизни своего родителя, обе стороны не могут объяснить это себе, ситуация тянется в какой-то дурной инерции, которую невозможно переломить. Она тянется в ожидании смерти, и именно на этом сфокусировался Владимир Котт. Елена Михайловна, героиня Марины Нееловой, проделавшей актерски беспощадный эксперимент со своим обликом, – бывшая учительница, живущая в маленьком поселке. Сына Олега (Евгений Миронов) она не видела и, кажется, не слышала вот уже пять лет. Поставленный ей диагноз означает, что умереть можно в любой момент. Пытаясь в чем-то угодить невидимому сыну (характерная форма того смутного беспокойства, непонимания, которое испытывают покинутые родители), Елена Михайловна, как интеллигент, решает взять ситуацию в свои руки. Начинаются процедуры по фиктивному оформлению документов о смерти, организация похорон и поминок и, собственно, многообразные попытки умереть как закономерное явление гротеска. От традиционной мелодрамы, в которую очевидно должен выродиться сюжет, «Карпа» отводят два нюанса. Первый связан со «вторым дном» образа главной героини. Безобидная, робкая, «божий одуванчик», она вдруг дает заподозрить в себе худшую форму тирана: человека, который подспудно ломает близких железной рукой, изображая при этом жертву. В этом смысле про-

фессия Елены Михайловны многое объясняет. Вторая особенность неожиданно роднит бенефис-гранд-дам русского кино среди русских берез с латиноамериканским магическим реализмом. Эта культура дышит смертью и ее многообразными внешними символами. В прозе того же Маркеса лейтмотивом повторяется пугающий образ: комок земли во рту мертвого. Несмотря на спутника-карпа, как бы «утверждающего жизнь», героиня Марины Нееловой отправляется в долгое путешествие среди гробов, венков, могил и холодильников морга.

Владимиру Котту нельзя отказать в находчивости: он разглядел и «вытащил» для кино то, что составляет действительно важную часть жизни российских пенсионеров. «Экономическая ситуация» последней четверти века заставляет их основательно готовиться к смерти не в метафизическом, а в буквальном смысле слова. Даже покупка гроба и хранение его где-нибудь на чердаке – не такое уж сверхъестественное событие. «Документировать» эту нутковатую в своей деловитости реальность от приготовлений к смерти до ее «исполнения» было для сценаристов, что называется, делом техники.

Парадоксальное столкновение жизни и смерти, которое искрит в подобных ситуациях, открывает широкие возможности для комедии положений, и Владимир Котт пользуется ими сполна. Другим залогом народной любви для «Карпа» является сведение на одной площадке двух великих актрис, причем в остро характерных, чуть ли не трагических ролях и в гротескных до предела сценах. Героини Алисы Фрейндлих и Марины Нееловой пьют, поют, ругают современную «толерантность» (чтобы не цитировать более крепких выражений), а затем одна пытается задушить другую подушкой, – кто же пропустит такое уморительное зрелище.

Игорь Савельев

Жюри / Юн Джеро, Кристиан Фрай, Алексей Ханютин

РЕАЛЬНОСТЬ

Некоторая «оппозиционность» взгляда документального жюри на кино игровое, то есть на основной профиль фестиваля, является своего рода традицией ММКФ. Каждый раз в высказываниях членов дожюри сквозит если не критика, то некоторая ирония по отношению к искусству, в основе которого лежит фантазия как отрыв от реальности. Жюри-2017 говорило об этом в меньшей степени. Разве что Алексей Ханютин высказался на пресс-конференции об игровом кино, которое «создает некую мифологию», разрушить которую призвано как раз кино документальное. И хотя российский режиссер оговорил, что «оба инструмента одинаково необходимы», он признался, что разрушение ему ближе. «Это поразительно интересно – познавать жизнь, а не находиться в замкнутом кругу придуманных кем-то представлений», – намекнул он все же на деструктивную роль fiction.

Но, думается, нынешнее жюри будет в первую очередь интересоваться проблемами общества, а не теория искусства. Такой вывод можно сделать из их биографий и фильмографий. В судьбе каждого можно разглядеть некую политическую – в широком смысле – окрашенность. Кристиан Фрай

хоть и представляет швейцарский кинематограф, явно интересуется американской жизнью: так или иначе с этими темами связаны его «Рикардо, Мириам и Фидель» (о кубинцах, мечтающих эмигрировать в США), «Военный фотограф» и «Великие Будды» (о поле боевых действий армии США), «Космические туристы», «Нью-Йоркская бессонница». Юн Джеро посвятил несколько фильмов столкновению «двух миров, двух систем» на Корейском полуострове, в том числе «Госпожу Б. Историю женщины из Северной Кореи» – триумфатора 38 ММКФ. Та неочевидность вопросов свободы, которую декларировал тогда Юн Джеро, причудливо сочетается с сюжетом «Сети» южнокорейского классика Ким Кидука из программы нынешнего ММКФ. Наконец, Алексею Ханютину, снявшему позднее «ДМБ-91», «Мавзолей» и «Саркофаг», советская цензура чуть не сломала кинематографическую карьеру в самом ее начале.

Не удивительно, что Кристиан Фрай сразу заговорил на американскую тему, так определив приоритеты non fiction: «Я говорю своим студентам, что если вы делаете фильм о Белом доме, то это может быть история не только о президенте, но и, что не менее важно, об уборщице. Они

очень далеки по иерархии, но ее мир и ее личные ценности могут оказаться не менее интересны, чем внутренний мир президента». Была ли это шпилька в адрес внутреннего мира конкретно Дональда Трампа, неведомо, но, в конце концов, почему бы и нет. Документальный конкурс Московского фестиваля уже «поучаствовал» в американских политических баталиях, когда в прошлом году в нем участвовал фильм Элиз Стейнберг и Джоша Кригмана «Винер». Прямо на глазах документалистов разворачивалась семейная драма Энтони Винера, кандидата в мэры Нью-Йорка, и Хумы Абедин, помощницы Хиллари Клинтон. Можно было бы сказать, что фильм прошел почти незамеченным, если бы уже после ММКФ его фактура не «выстрелила» еще раз, когда к семейному конфликту примешалась утечка документов, здорово ударившая по кандидату от демократов. Результат этого скандала (вкуче с несколькими другими) всем известен. Возможно, и на это тоже намекал Григорий Либергал, когда пожелал, «чтобы случилось то, что уже несколько раз случалось на Московском кинофестивале: чтобы конкурс стал трамплином для фильмов, которые будут греметь дальше».

Марина Болт

ДЕЛА СЕРДЕЧНЫЕ

ЭЙФОРИЯ ОКРАИНЫ

ИЗРАНЕННЫЕ СЕРДЦА

(INIMI CICATRIZATE) / РЕЖ. РАДУ ЖУДЕ

– Действие «Израненных сердец» разворачивается в 1937 году. Вам сложно было воссоздать атмосферу этого времени?

Раду Жуде: Сложно было с разных точек зрения: у нас был маленький бюджет, поэтому были проблемы с костюмами и декорациями. Да и передать душу этой истории... Не сказал бы, что «сложно», но мне все же казалось, что у меня нет полного контроля над происходящим. Возможно, это заметно. Вообще, было нелегко все сделать, но поскольку мне нравится моя профессия, то я не чувствую, что мне это далось тяжело. Правда в том, что из-за фрагментированной природы этой истории мне приходилось полагаться на интуицию. После того, как был отснят основной материал, мы очень многое переделывали, вырезали.

– Мы обратили внимание, что в вашем фильме мало портретных кадров. Это сознательная концепция?

– Поскольку сюжет связан с лечением, с болезнью, то это во многом фильм про тело. Про целое тело человека, и я не хотел фрагментировать его посредством портретов. Нельзя отделить голову человека от тела, это одна единица. И главный персонаж с его кроватью на колесиках для меня – одна единица. Вообще, поскольку он прикован к постели, мой фильм без большого количества движений. Можно назвать его «горизонтальным». Мне это нравится, потому что это идет вразрез с тем, что считается «общепринятым» кино.

– Что вам кажется самым привлекательным в вашем герое?

– То, что он умирает молодым. Когда я вижу кого-то, кто страдает в молодом возрасте, то я очень эгоистично чувствую себя лучше. Потому что вижу, что у меня не все так плохо, как могло бы быть. До фильма я ничего не знал про эту болезнь – костный туберкулез, но потом прочитал о ней много книг, плюс у нас был отличный консультант-врач.

– Что было бы с героем, если бы он выжил?

– Я думаю, он бы погиб при режиме Антонеску. Возможно, он оказался бы в «поезде смерти», когда власти тогдашней Румынии загнали 20 тысяч человек в поезд и заморили их голодом, жаждой и жарой. Это было страшное время для Румынии, люди пытаются его забыть, а я думаю, что это важно помнить.

Интервью вели Ася Колодижнер и Петр Шепотинник

ДОРОГОЙ МОЙ ЧЕЛОВЕК

СПЕКТР

ТО, ЧТО НИКТО НЕ ВИДИТ (TAS, KO VIŃI NEREDZ) / РЕЖ. СТАНИСЛАВ ТОКАЛОВ

В медико-эротической мелодраме Станислава Токалова попытки нетривиальных психологических наблюдений образуют причудливый микс со смехотворной пошлостью, причем не всегда понятно, что доставляет больше удовольствия. Эпиграф: «Когда встречаются двое, нужно иметь в виду шестерых: какими они видят друг друга, каким каждый из них видит себя, и кто они на самом деле» — поначалу даже обнадеживает, однако и всего лишь с тремя ключевыми фигурами, составляющими любовный треугольник, авторы умудряются нагнать туману, в котором и самим героям трудно разглядеть, кто есть кто. Общей атмосферой и стилистикой «То, что никто не видит» порой смутно напоминает какой-то старинный прибалтийский фантастический детектив, вроде «Отеля «У погибшего альпиниста», но с драматургической основой другого типа. В центре повествования — загадочная девушка-врач (Катерина Шпица), которую доминирующий возрастной любовник и старший коллега-учитель (Андрис Кейшс) характеризует довольно романтичным образом: «Женщина, которую нужно любить сзади,

потому что она не хочет лицом к лицу сталкиваться с проблемами». Главной проблемой для героини оказывается лежащий в коме ученый (Евгений Ткачук), за которым ее отправляют приглядывать на уединенную виллу, и с которым она сразу чувствует душевное родство. Однако вскоре намечается еще один любовный треугольник — искусственная нейронная сеть, которую изобрел пациент и с помощью которой он может разговаривать даже из комы, носит имя его покойной жены и явно ревнует к хорошенькой докторше. Сотившийся из тумана Арнис Лицитис в роли отца больного усугубляет сумятицу, объясняя, что его выдающийся сын выдумывает слишком много деталей своей жизни, заимствуя их из биографии своего кумира Никола Тесла. К этому моменту зритель чувствует себя окончательно запутавшимся в нейронных сетях и с пониманием относится к героине, разрубающей виртуальный гордиев узел с хирургическим изяществом: просто заплатив двум дюжым сантехникам за то, чтобы они спустили с лестницы ее коварного покровителя, замыслившего какие-то козни против беспомощного изобретателя.

Лидия Маслова

ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ

ПОКОЛЕНИЕ # ВЫБИРАЕТ

ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ (WUTHERING HEIGHTS) / РЕЖ. АНДРЕА АРНОЛЬД

— Почему вы взялись за экранизацию классического романа Эмили Бронте?

Андреа Арнольд: Впервые я узнала о «Грозовом перевале», посмотрев в детстве фильм с Лоуренсом Оливье в роли Хитклиффа и Мерл Оберон в роли Кэти. Я не помню, почему, но он глубоко меня тронул. Потом я прочитала книгу, когда была подростком. Я была удивлена, потому что любовная история была не совсем такой, как я ожидала. Она была намного мрачнее, глубже и страннее. Когда я перечитала книгу спустя много лет, я поймала себя на том, что беспокоюсь за Хитклиффа. Он — универсальный аутсайдер. Единственный в своем роде. Я хотела сделать это для него. Мне важно то, как с ним обращались в детстве. Жестокость. То, каким он потом стал. Это влияние обстоятельств или его истинная сущность? Кэти говорит, что она Хитклифф. Я думаю, Хитклиффом была Эмили Бронте. Я думаю, мы все — Хитклифф. Все, что я могла сделать — это снять собственное видение истории.

— Какими вы хотели видеть главные отличия от тех экранизаций, которые существовали прежде?

— Природа должна была стать важной частью моего «Грозового перевала». У меня не было в этом сомнений с самого начала, хоть и не очень понятно, почему. Природа может быть красивой и успокаивающей, но также и жестокой, эгоистичной, разъяренной и разрушительной. Мы неотделимы от природы, несмотря на наш образ жизни. Мы животные, и у нас не всегда все настолько под контролем, как нам нравится думать. Хитклифф — это природная стихия. Как и мы все.

— Вам хотелось больше сосредоточиться на Хитклиффе, верно?

— Я очень старалась отдать дань всему, что лично я вынесла из книги. Странность Хитклиффа и его отличие от остальных, и то, какие все были молодые — надо помнить, что Кэти нет и 19, когда она погибает... Я помню и об Эмили, которая тоже умерла относительно молодой. Я представляю ее эмоции, когда она писала в своей комнате в одиночестве, под завывание ветра. Она была поэтом, которому хватало смелости писать на своем, индивидуальном языке.

Интервью вела Марина Болт

СЦЕНЫ ИЗ СУПРУЖЕСКОЙ ЖИЗНИ

8 ½ ФИЛЬМОВ

МОЛОДОЙ ГОДАР (LE REDOUTABLE) / РЕЖ. МИШЕЛЬ ХАЗАНАВИЧУС

Сам факт существования беллетризованного фильма о Жан-Люке Годаре, «священном чудовище» авторского кино, реформаторе киноязыка, здравствующем классике-интеллектуале, может показаться почти кощунственной дерзостью. И то, что создателем байопика выступает режиссер-имитатор Мишель Хазанавичус, которого принято считать «попсовиком», потакающим буржуазным вкусам, представляется верхом неслыханного нахальства. Верные апологеты годаровских святынь, возможно, презреют картину, восприняв ее как пародию на романтику протестов. Но стоит принять во внимание очевидную истину: перед нами ФРАНЦУЗСКОЕ кино. Как утверждал сам Годар, «французское кино – это очень счастливое кино, оно может многое позволить себе в сфере личного творчества. Кинематографисты представляют Францию – иными словами, свободу, в смысле индивидуальной свободы».

Именно поэтому «Молодой Годар» – картина, которая не несет никакой ответственности перед лицом истории. Она легкомысленна, озорна, печальна, питает нас мимолетной импрессией, выразительной красотой нюансов, в которой небрежная реальность сплетается с изысками монтажных приемов и мизансцен. Весь арсенал выразительных средств, которыми Годар преобразил мир, является здесь единственно возможным способом изложения. Фильм состоит из головокружительных тревеллингов, артикулированных, почти маниакальных в своей чувственности крупных планов; резкие склейки способны в любой момент разрушить хрупкую достоверность нарратива, а цвета, звуки и шумы проникают внутрь изображения и живут своей жизнью. Фильм изобилует цитатами, точнее, имитациями цитат, поскольку цитаты – то, без чего немислим сам Годар. Хазанавичус словно читает кумира по губам – ведь фильм о Годаре может быть рассказан только

языком его фильмов.

Если мы действительно хотим понять, ради чего был снят фильм, нам стоит вспомнить французское выражение «cherchez la femme». Картина поставлена по мотивам автобиографии Анн Вяземски, легендарной «Китайки», бунтарки и буржуазки, которой восхищались величайшие интеллектуалы кино Брессон и Пазолини, и которую Жан-Люк Годар боготворил как музу и как жену. В своем романе Анн описала историю своего знаменитого брака, который, как ей казалось, обладал прочностью атомной субмарины «Грозный» (Le Redoutable). Однако «революционная посуда» однажды дала течь и пошла ко дну. Пытаясь разобраться в причинах фиаско, Анн не свела свою историю к жалобам на жизнь с великим и ужасным. Книга, а вслед за ней и фильм поведали универсальную историю о прихотливости чувств. Это не безжалостный самоанализ в духе бергмановских откровений, а кажущаяся чуточку поверхностной эмоциональная драма любви, в разрушении которой виноваты все и не виноват никто.

Личность Жан-Люка неотвратимо уводила в тень всех, кто находился с ним рядом. В этой «тени» оказалась сама Анн. Из этого укрытия она наблюдала за ним и превратила опыт их совместной жизни в психологический сюжет. В этом смысле фильм дает нам право узнать чуть больше правды не о Годаре, а о его возлюбленной.

Разочаровавшись в любви, Анн Вяземски не потеряла интерес к автору «Презрения» и «Безумного Пьеро», которого обрекло на одиночество собственное величие. Один из самых почитаемых кумиров оказался непонятым ни чужими, ни близкими. Это не стало причиной жизненной трагедии, ибо упрямство, с которым растерянный классик придерживается своих целей, позволило ему «жить своей жизнью».

Эксцентричный гений в исполнении Луи Гарреля прекрасен именно потому, что легко лавирует между почтительностью и несерьезностью, охотно подчиняясь правилам игры, установленным самим Годаром: «Я – не Годар. Я – актер, который играет Годара, при этом не самый лучший актер». Стэйси Мартин, которая внешне имеет мало общего с Анн Вяземски, влюбляет в себя камеру, и ее женственность и очарование – это тоже один из тех плюсов, ради которых «Молодой Годар» стоит маленькой месссы.

Игорь Сукманов

THAWED CARP

MAIN COMPETITION

DIR. VLADIMIR KOTT

The theme in Vladimir Kott's «Thawed Carp» isn't new: in Russian literature the canonical example was given by Paustovsky in his novella «The Telegram», in Russian cinema the premier example would be Georgy Danelia's «Afonya». Of course, the topic of the tragic separation between parents and their grown up children is much greater, but in this particular instance the main thing is the inexplicability of what is happening. No one is in conflict with anyone. A person disappears from the life of his parent, both sides can not explain this to themselves, the situation drags on in some kind of bad inertia, the cycle can't be broken. It stretches out in anticipation of death, and that was the focus of Vladimir Kott.

Elena Mikhailovna, the heroine of Marina Neyolova, who performed an actor's merciless experiment on her appearance, is a former teacher who lives in a small village. Her son, Oleg, (Yevgeny Mironov), whom she hasn't seen or heard from in five years already. Her diagnosis means that she could die at any time. Trying to somehow please her invisible son (the characteristic form of that vague anxiety, misunderstanding experienced by abandoned parents), Elena Mikhailovna, as an intellectual, decides to take the situation into her own hands. The procedures for fictitious execution of death certificates, the organization of funerals, and in fact, the various attempts to die – as a phenomenon of the grotesque – begin.

From the traditional melodrama, into which the plot must obviously degenerate, «Thawed Carp» is different in two instances. The first is connected with the «false bottom» of the image of the main character. Harmless, timid, she suddenly suspects herself of being the worst form of tyrant – someone who secretly breaks a loved one with an iron hand, while playing the victim. In this sense, Elena Mikhailovna's profession explains a lot. The second feature unexpectedly relates the benefit of the grand dames of Russian cinema to Latin American magical realism. This culture screams of death and its diverse external symbols. In the prose of Marquez the leitmotif is a repeated frightening image: a lump of earth in the mouth of a corpse. Despite the companion carp, that in a way serves as an affirmation of life, the heroine of Marina Neyolova goes on a long journey among the coffins, wreaths, graves and refrigerators of the morgue.

Vladimir Kott is nothing if not resourceful: he saw and «pulled out» for the movie what makes up an important part of the life of Russian pensioners. The «economic situation» of the last quarter century forces them to thoroughly prepare for death, not in a metaphysical, but in a literal sense. Even buying a coffin and storing it somewhere in the attic is not such an unnatural occurrence. Tightening up this reality – from preparations to death to its «execution» – was an easy task for the screenwriters. The paradoxical clash of life and death, which sparks in such situations, opens opportunities for a comedy of situation, and Vladimir Kott uses them in full. Another reason of popular love for «Thawed Carp» is the inclusion of two great actresses, in sharply distinctive, almost travesty roles. The heroines of Alisa Freindlikh and Marina Neyolova drink, sing, scold modern «tolerance» (not to quote more hard-core expressions), and then one tries to strangle the other with a pillow; who would want to miss such a hilarious spectacle.

Igor Savelev

A HELLISH CHAOS

DOCUMENTARY FILM COMPETITION

DIR. SERGEY DEBIZHEV

The centenary of Russian revolution is a topic that arouses interest all over the world. However in Russia disputes on this issue are still very emotional and sometimes they even go too far. Herewith there is no willingness in Russian cultural society to conduct an open discussion on the events of 1917. And the heated argument about Aleksey Uchitel's «Matilda», a movie about the love story of the last Russian emperor and the ballerina Kshesinskaya, just proves it. The only statement on which artists of different political commitments – from Leonid Parfyonov to Nikita Mikhalkov – agree is that the events of 1917 were a disaster. A nation with its unique culture died and a new one was born. The revolution often becomes the topic of an artist with his original style – Sergey Debizhev's movies. According to his own words, «A Hellish Chaos» is probably the most important work in his whole career. We can identify his style with the soundtracks by Aquarium and a mixture of documentary chronicles, acting, collages, graphics and animation.

However Debizhev used to adhere to the genre of absurdist parody, while nowadays we see a furious pamphlet. The original text is mixed with some excerpts from documentary eyewitness accounts, and thus it becomes as tightly-plotted as «Cursed days» by Bunin. The story is divided into two actions with several scenes not to mention the overture, the intermission and the epilogue.

The most impressive thing is Debizhev's using shots from key propaganda films of the 1920s and 1930s to illustrate the death of the great empire. Eisenstein, Pudovkin, Romm, who with such passion once glorified Lenin, narrate about his betrayal a decade later at the will of Debizhev.

Nikita Kartsev

YUN JERO CHRISTIAN FREI ALEXEY KHANYUTIN

JURY

A certain «oppositional» view of the documentary jury on fiction films, that is, which is the main profile of the festival, is a kind of tradition of the Moscow International Film Festival. Each time in the statements of the members of the Documentary Jury one can sense, if not criticism, then some irony in relation to art, based on fantasy as a detachment from reality. The 2017 jury spoke about this to a lesser extent. Except for Alexey Khanyutin, who spoke at a press conference on the feature film, which «creates a kind of mythology», that is destined to destroy the documentary cinema. And although the Russian director has stipulated that «both tools are equally necessary», he admitted that destruction was closer to him. «It's amazingly interesting – to learn life, and not be in a closed circle of ideas invented by someone», he hinted to the destructive role of fiction cinema. However, I think the current documentary jury will be primarily interested in the problems of society, not in the theory of art. Such a conclusion can be drawn from the biographies and filmographies of the judges. In the fate of everyone, one can discern some political – In a broad sense – tinge.

Christian Frei, though representing the Swiss cinema, is clearly interested in American life: one way or another these themes are connected with his «Ricardo, Miriam y Fidel» (about the Cubans dreaming of emigrating to the USA), «War Photographer» and «The Giant Buddhas» (about the field Fighting the US Army), «Space tourists», «Sleepless in New York». Yun Jero of South Korea has dedicated several films to the clash of «two worlds, two systems» on the Korean Peninsula, including «Mrs. B. a North Korean Woman» – a triumphator 38 MIFF. The non-obviousness of the issues of freedom, which Yun Jero preached at that time, is bizarrely combined with the plot of «The Net» by South Korean cinema classic Kim Ki-Duk from the program of the current Moscow International Film Festival. Finally, Alexey Khanyutin, who later filmed «DMB-91», «Mausoleum» and «Sarcophagus», who's cinematic career was nearly broken by the Soviet censorship at its very beginning. It's not surprising that Christian Frei immediately spoke about the American theme, having defined the priorities of the documentary: «I tell my students that if you are making a film about the White House, it can be a story not only about the president, but, equally as important, about the cleaner. These two inhabitants of the White House are very far apart in the hierarchy, but their world and their personal values can be no less interesting than the president's inner world».

It is unknown whether that was a jab at the inner world specifically of Donald Trump, but, in the end, why not. The documentary contest of the Moscow festival has already «participated» in American political battles, when last year it was attended by Elise Steinberg and Josh Krigman's «Weiner». Right before the eyes of the documentalists, the family drama of Anthony Weiner, a candidate for Mayor of New York, and Humie Abedin, the assistant of Hillary Clinton, unfolded. It could have been said that the film went almost unnoticed, if after the Moscow Film Festival its subject hadn't made a comeback when the infamous document leak was added to the family conflict, which struck the Democrat candidate. The result of this scandal (along with several others) is known to everyone. Perhaps this was also hinted at by Grigory Libergal when, summing up the press conference, he wished, «that something, that already happened several times at the Moscow Film Festival would happen again: that the competition should become a springboard for films that will resonate further».

Marina Bolt

SCARRED HEARTS / INIMI CICATRIZATE

EUPHORIA OF THE FRINGES

DIR. RADU JUDE

– The action of «Scarred Hearts» takes place in 1937. Was it difficult to reconstruct the atmosphere of those times?

Radu Jude: It was difficult from different points of view. Our budget was rather small so we had some difficulties with decorations and costumes. Besides we had to feature the main idea...I wouldn't say it was difficult, but I didn't always feel fully in control of the process. You may have noticed it. All in all it wasn't easy to make this movie, but I love what I do, I like filmmaking, so I can't say I'm exhausted with it. The story is made of many fragments, and I often had to go with my gut. After all we had to change and cut off many scenes.

– We noticed that there are few portrait scenes in your movie. Do you deliberately use such an approach?

– The plot is connected with the human body and I didn't want to divide the body into pieces by portraits. You can't detach a head from a body, they make a whole. The main character and his bed with wheels is also one entire for me. As he is bed-bounded, there are few movements in my movie. You may call it horizontal. I like it because it is contrary to what is traditionally considered mainstream cinema.

– What do you think is the most attractive feature of your protagonist?

– The fact that he dies in such a young age. When I see young people who suffer so much I selfishly feel myself better. Because I realize that my own life is not as bad as it could've been. Before I started working on this film I knew nothing about this illness – tuberculosis of bone, but later I read lots of books on it, plus – we had an excellent doctor consultant.

– What would happen with the protagonist if he stayed alive?

– I think he would've died during Antonescu's regime. He would've probably end up on one of the «trains of death» – when the Romanian government forced twenty thousand people into trains and tortured them to death with hunger, thirst and terrible heat. It was a dreadful time for Romania, and people are trying to forget it – but I believe it is crucial to remember it.

Interview by Asya Kolodizhner and Peter Shepotinnik

WHAT NOBODY CAN SEE / TAS, KO VINI NEREDZ

SPECTRUM

DIR. STANISLAVS TOKALOVŠ

Stanislavs Tokalovš' film that can only be described as a medical-erotic melodrama, mixes exotic psychological observations with farcical vulgarities – yet it's not that easy to determine which is more enjoyable. The film features an epigraph: «When two people meet, six people actually meet: it's how they see each other, how each of them sees oneself, and who each of them really is. The phrase gets the audience's hopes up, but in reality even while dealing with three participants of the love triangle, the authors manage to make things as confusing as possible – so much so, that even the said characters have troubles fully understanding the true nature of one another. The general atmosphere and aesthetics of «What Nobody Can See» is at times slightly reminiscent of some old Baltic sci-fi mystery film – the likes of «Dead Mountaineer's Hotel», but with the narrative base of a completely different type. The plot revolves around the mysterious female doctor (Katerina Shpitsa). Her colleague/ master (played by Andris Keišs), who also substitutes as her aging lover, refers to her in quite a romantic manner: «A woman who you can only love from behind, because she just doesn't wish to be face to face with problems». The heroine's main problem comes in the form of the comatose scientist (Yevgeny Tkachuk), whom she is sent to look after to a remote villa – and whom she immediately recognizes as her soul mate. Yet another love triangle is born soon: the artificial neural net invented by the patient (which allows him to communicate even while in a coma) is named after his late wife, and is explicitly jealous of the lovely lady doctor. The arrival of the patient's father (played by

Arnis Līcītis) only complicates the matter when he explains that his genius son tends to make up many details of his life, borrowing them from the biography of his idol – Nikola Tesla. By this time the audience feels completely lost in the neural nets and can only sympathize with the heroine who cuts the virtual Gordian knot with the true surgeon's elegancy – by simply paying two hefty plumbers to kick her insidious «master», who was trying to scheme against the helpless inventor, down the stairs.

Lydia Maslova

REDOUTABLE / LE REDOUTABLE

8 ½ FILMS

DIR. MICHEL HAZANAVICIUS

The very existence of a fictionalized movie about Jean-Luc Godard, the «sacred monster» of cinema d'auteur, a reformer of the film language, a thriving intellectual classic might seem sacrilegious impudence. And the fact that it has been created by Michel Hazanavicius, who is associated with pop culture, catering to bourgeois tastes, seems an unprecedented affront. Faithful admirers of Godard's sanctuary will probably despise the film, taking it to be a parody of the romanticism of protests. But it is worth taking into account the evident fact: we are dealing with FRENCH cinema. As Godard himself maintained, French cinema is «a very happy cinema, it can permit itself a lot in the domain of personal creativity. Filmmakers see France, in other words freedom in terms of personal freedom».

That is exactly why «Redoutable» has no responsibility to history. It is light, mischievous, sad, momentarily impressionistic, with beautifully expressive nuances, casual reality here is enhanced by exquisite editing and settings. The whole panoply of expressive means with which Godard and his «New wave» comrades used to transform the world is the only possible way of expression. The film consists of mind-boggling travellings, articulated close-ups, almost maniacal in their sensuality; sharp cuts threaten to ruin the fragile authenticity of the narration, while colors, sounds, noises penetrate into the images and start lives of their own.

The movie abounds in quotations or rather fake quotations, because Godard himself is unimaginable without quotations. Hazanavicius seems to be lip-reading his idol because a movie about Godard can be narrated only in the language of his own films. If we really care to understand what was the purpose of making this movie, we should recall the French phrase «cherchez la femme». The film is based on the autobiographical book by Anne Wiazemsky, the legendary «Chinoise», the young student of the Sorbonne, the rebel and bourgeoisie admired by the greatest intellectuals of cinema like Bresson and Pasolini, whom Jean-Luc Godard adored as his muse and his wife. In her novel (and this is the key word!) Anne described her famous marriage, which, it seemed to her, was as sturdy as the atomic submarine «Le Redoutable». But one day the revolutionary vessel leaked and then sank. Trying to sort out the reasons for the fiasco Anne did not limit her story to complaints about life with the great and intimidating. The book and later the movie, told the universal story about the whimsical nature of feelings. It is not the pitiless self-analysis in the spirit of Bergman's revelations, but a seemingly slightly superficial emotional drama of love, the disintegration of which is everybody's and nobody's fault.

Jean-Luc's personality relentlessly dragged into the shadow whoever was near him. Anne found herself in that shadow too. She observed him from that hiding-place and turned their life together into the plot of a psychological story. In this sense the film tells us a bit more not so much about Godard as about his beloved.

Disillusioned in love, Anne Wiazemsky did not lose her interest in the author of «Contempt» and «Pierrot le Fou», whose greatness doomed him to solitude. One of the most adored idols was misunderstood by strangers and by his family. This did not cause a life tragedy, because the obstinacy with which the confused classic follows his path let him «live his own life».

The eccentric genius played by Louis Garrel is admirable because he easily navigates between respect and playfulness, willingly following the rules set by Godard himself: «I am not Godard. I am an actor who is playing Godard, and not the best actor at that. Stacy Martin who has little resemblance to Anne Wiazemsky, makes the camera fall in love with her and her femininity and charm are among the reasons while «Redoutable» is worth a little liturgy.

Igor Sukmanov

WUTHERING HEIGHTS

GENERATION #'S CHOICE

DIR. ANDREA ARNOLD

– Why did you decide to make a screen version of the classical novel by Emily Brontë?

Andrea Arnold: The first time I knew of «Wuthering Heights» was seeing the film with Laurence Olivier as Heathcliff and Merle Oberon as Cathy when I was a kid. I don't remember why, but it deeply affected me. I read the book when I was a teenager. I was surprised because it wasn't quite the love story I had grown to expect. It was a much darker, stranger, more profound thing. When I re-read it after many years I found myself fretting about Heathcliff. The ultimate outsider. A vertical invader. I wanted to make it for him. The way he was treated as a boy. The brutality. The way he then turns out. A product of his experience, or of his true nature? Cathy says she is Heathcliff. I think Emily was Heathcliff. I think we might all be Heathcliff. All I could do was make my own personal version.

– In what way did you want your version to differ from other screen versions of the novel?

– Nature had to be part of my «Wuthering Heights». I knew this without question from the start without knowing exactly why. Nature can be both beautiful and comforting but also brutal, selfish, furious and destructive. We are part of it, not separate from it, despite how we live. We are animals, and not always as in control as we think we are. Heathcliff is a force of nature. We all are.

– You wanted to pay much attention to Heathcliff, didn't you?

– I tried hard to honour what I personally interpreted in the book. Heathcliff's difference and strangeness, and how young everyone was. Cathy, it should be remembered, is not yet 19 when she dies. I also remember about Emily who died young too. I can really sense the raw feelings of the young Emily writing alone in her bedroom, letting her imagination roam, the wind crazy outside. She was a poet, one who had the courage to speak with her own very original voice.

Interview by Maria Bolt

EISENBERG Paris – косметический и парфюмерный бренд, представляющий продукцию в сегменте «люкс». Основан Жозе Айзенбергом в 2000 году.

Фундаментальной основой **EISENBERG Paris** является революционная запатентованная Формула Trio-Moléculaire®, которая входит в состав всех косметических продуктов бренда.

в 2001 компания запустила свою первую линию по уходу за кожей, в основе которой лежит Формула Trio-Moléculaire®. Уникальная запатентованная формула содержит три природные молекулы, которые, работая одновременно, восстанавливают кожу, заряжают ее энергией и насыщают кислородом.

Жозе Айзенберг, основатель

EISENBERG Paris – единственный автор каждого аромата роскошной коллекции L'Art du Parfum. Чувственный мир ароматов стал естественным продолжением его любви к красоте.

Первый и культовый аромат «J'OSE» (в переводе с французского «Я смею») был выпущен в 2002.

В 2011 Жозе выпустил роскошную коллекцию ароматов L'Art Du Parfum – первый в мире революционный концепт, объединивший высокое Искусство и Парфюмерию.

Известный бразильский художник Хуарес Мачадо стал тем, кто воплотил в картинах философию ароматов Жозе Айзенберга, создав для каждого из парфюмов отдельную картину.

Коллекция L'Art du Parfum состоит из 10 женских и 5 мужских ароматов, каждый из которых обладает сильным характером и уникальной историей создания.

EISENBERG Paris эксклюзивно представлен в сети магазинов Л'Этуаль и в интернет-магазине letu.ru

EISENBERG

PARIS

EISENBERG Paris is a luxury skin-care, fragrance and make-up brand founded by José Eisenberg in 2000.

The company is known for the use of the Trio-Molecular Formula in its skin care products, and for its L'Art du Parfum concept. The Trio-Molecular Formula is a patented technology discovered and developed by the founder. This formula contains three molecules existing in nature which can help regenerate, energise and oxygenate the skin.

José Eisenberg is the sole creator of each fragrance of his luxury and unique collection. Because he has always been in love with Beauty, perfumes are naturally an integral part of his sensory world. The first perfume «J'OSE» (which means «I dare» in French) was launched in 2002.

L'Art du Parfum is the first unique concept in the world which links Art and Perfume. It was launched in 2011. Juarez Machado, famous Brazilian artist, became the one who could visualise the philosophy of Jose Eisenberg's fragrances. Guided by Jose Eisenberg step by step, Machado created paintings for L'Art du Parfum line.

L'Art du Parfum consists of 10 women and 5 men fragrances, and every fragrance has its own unique character and story of creation

EISENBERG Paris is exclusively represented in L'etoile stores and on letu.ru

1. Инна Чурикова
2. Адриана Кьеза ди Пальма и Никита Михалков
3. Наталья Кудряшова
4. Съёмочная группа фильма «Звездачи»
5. Съёмочная группа фильма «Карп отморозенный»

26 ИЮНЯ / JUNE, 26

09:00	МЕШОК БЕЗ ДНА / MESHOK BEZ DNA	ОКтябрь, 7
13:30	УХОД / THE DEPARTURE	ОКтябрь, 2
13:30	СТИЛЬНАЯ ШТУЧКА / A CLASSY BROAD	ОКтябрь, 7
13:30	КОРОЛЕВА ТАНЦА / DANCING QUEEN	ОКтябрь, 4
13:30	СБОРНИК КАНАДСКОЙ АНИМАЦИИ / CANADIAN ANIMATED SHORTS COMPILATION	ОКтябрь, 11
13:30	ЧТО СКРЫВАЕТ ТЬМА / HEI CHU YOU SHEN ME	ОКтябрь, 8
13:45	НОВЫЕ СОСЕДИ, СТАРАЯ ВРАЖДА / LA VIEJA QUINTA	ОКтябрь, 5
13:45	ЧЕМПИОН / CHAMPION	ОКтябрь, 5
13:45	СУББОТНИЙ СЕАНС / SAMEDI CINEMA	ОКтябрь, 5
13:45	ТИХАЯ НОЧЬ / XIAO CHENG ER YUE	ОКтябрь, 5
13:45	О, ЭТО ВОЛШЕБНОЕ ЧУВСТВО / OH WHAT A WONDERFUL FEELING	ОКтябрь, 5
13:45	КАК Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ / COMO YO TE AMO	ОКтябрь, 5
13:45	КАК РОЖДАЕТСЯ СТРАХ / IN THE ORIGIN OF FEAR	ОКтябрь, 5
14:30	КАРЕНИНА И Я / KARENINA & I	ОКтябрь, 9
15:00	НЬЮ-ЙОРКСКАЯ БЕССОННИЦА / SLEEPLESS IN NEW YORK	ЦДК, 1
15:30	ТЕМНАЯ СТОРОНА СЕРДЦА / THE DARK SIDE OF THE HEART	ОКтябрь, 10
15:30	БОЕВАЯ ПЕСНЯ / MUKOKU	ОКтябрь, 11
15:45	ВТОРОЕ «Я» / ETEROS EGO	ОКтябрь, 7
16:00	СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПОВОРОТ / U TURN	ОКтябрь, 4
16:00	ВОЕВОДА / VOEVODA	ОКтябрь, 8
16:30	НЕПРИМЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК / AN INSIGNIFICANT MAN	ОКтябрь, 2
16:30	СЕЛФИ / SELFIE	ОКтябрь, 1
16:45	СКРИПКА / SKRIPKA	ОКтябрь, 5
16:45	ОТВЕРЖЕННЫЕ / LES MISÉRABLES	ОКтябрь, 5
16:45	ТО, ЧТО НИКТО НЕ ВИДИТ / TAS, KO VIŇI NEREDZ	ОКтябрь, 9
16:45	ПУСТОТА / VACÍO	ОКтябрь, 5
16:45	СЛУШАЙ МОЮ КОМАНДУ / BATTALION TO MY BEAT	ОКтябрь, 5
16:45	ЧЕРНЫЙ КРУГ / SIYAN ÇEMBER	ОКтябрь, 5
17:00	ЭТОТ ШАТКИЙ МИР / STILL TOMORROW	ЦДК, 1
17:30	ЗВЕЗДАЧИ / KAIKEN SE KESTÄÄ	КОСМОС, 1
18:10	АНДРЕЙ - ГОЛОС ВИНА / ANDRÉ - THE VOICE OF WINE	ЗВЕЗДА, 1
18:30	НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ / BEY YAAR	ОКтябрь, 7
18:30	БИТВА ЗА АЛЖИР / LA BATTAGLIA DI ALGERI	ОКтябрь, 11
18:30	ЧЕКИСТ / THE CHEKIST	ОКтябрь, 10
19:00	И ИЗБАВИ НАС ОТ ЛУКАВОГО / LIBERAMI	ЦДК, 1
19:00	КАРП ОТМОРОЖЕННЫЙ / THAWED CARP	ОКтябрь, 1
19:00	ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ / THE FIRST TEACHER	ФАКЕЛ, 1
19:00	НАСТОЯЩИЙ ОКТАБЕРЬ / 1917 - DER WAHRE OKTOBER	ОКтябрь, 9
19:00	ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК / BOTONGSARAM	КОСМОС, 1
19:15	ДОМ / HOME	ОКтябрь, 4
19:15	РАСКАЛЕННЫЙ ХАОС / A HELLISH CHAOS	ОКтябрь, 2
19:30	FREE TO ROCK / FREE TO ROCK	ОКтябрь, 5
19:30	DELIRIUM / DELIRIUM	ОКтябрь, 8
20:00	ВОЛШЕБНАЯ РЕКА / KOTHANODI	ЗВЕЗДА, 1
21:30	ЖИЗНЬ / UNE VIE	ЦДК, 1
21:30	ЗА МОСТОМ / BEYOND THE BRIDGE	КОСМОС, 1
21:30	ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ / WUTHERING HEIGHTS	ОКтябрь, 11
21:45	120 УДАРОВ В МИНУТУ / 120 BATTLEMENTS PAR MINUTE	ПГ, 1
22:00	ИЗРАНЕННЫЕ СЕРДЦА / INIMI CICATRIZATE	ОКтябрь, 4
22:00	О, ЛЮСИ / OH, LUCY	ГАРАЖ, 1
22:00	БЕЛЫЕ НОЧИ / BELYE NOCHI	ОКтябрь, 5
22:00	АНА, ЛЮБОВЬ МОЯ / ANA, MON AMOUR	ОКтябрь, 9
22:30	НОРМАН: УМЕРЕННЫЙ ВЗЛЕТ И ТРАГИЧЕСКОЕ ПАДЕНИЕ НЬЮ-ЙОРКСКОГО ПОСРЕДНИКА / NORMAN: THE MODERATE RISE AND TRAGIC FALL OF A NEW YORK FIXER	ОКтябрь, 7
22:30	МОЛОДОЙ ГОДАР / LE REDOUTABLE	ОКтябрь, 1
22:30	Я НЕ ВАШ НЕГР / I AM NOT YOUR NEGRO	ОКтябрь, 2

22:45	ЗАМЕНА / REPLACE	ОКтябрь, 8
22:45	БАБОЧКИ / BAVOSCHKI	ОКтябрь, 5

27 ИЮНЯ / JUNE, 27

11:00		ОКтябрь, VR ЗОНА
12:00	RUSSIAN VR SEASONS	
13:00		
13:15	КОРОТКОМЕТРАЖНОЕ КИНО: ПАНОРАМА / SHORT FILMS PANORAMA	ОКтябрь, 5
14:00	СТАРИКИ-РАЗВЕДЧИКИ / KUNDSCHAFTER DES FRIEDENS	ОКтябрь, 8
14:30	ВАРКОНИ: СБОРНИК КОРОТКОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАНАДЫ / ВАРКОНИ NATIVE CANADIAN FILMMAKERS SHORT FILMS COMPILATION	ОКтябрь, 10
14:30	2012: ЦУНАМИ / HAEUNDAE	ОКтябрь, 4
15:00	ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ УШЛА / ANG BABAENG HUMAYO	ТГ, 1
15:00	ЕДВА Я ОТКРОЮ ГЛАЗА / À PEINE J'OUVRE LES YEUX	ЦДК, 1
15:15	СТИЛЬНАЯ ШТУЧКА / A CLASSY BROAD	ОКтябрь, 7
15:30	ВОЕВОДА / VOEVODA	ОКтябрь, 11
15:30	ПАРК / PARK	ОКтябрь, 9
16:00		ОКтябрь, VR ЗОНА
17:00	RUSSIAN VR SEASONS	
18:00		
16:00	СИМФОНΙΑ ДЛЯ АНЫ / SINFONÍA PARA ANA	ОКтябрь, 1
16:15	БАХУБАЛИ. НАЧАЛО / BAHUBALI: THE BEGINNING	ОКтябрь, 5
16:30	ДОСТОЧТИМЫЙ В. / VENERABLE W.	ОКтябрь, 2
16:30	ЧТО СКРЫВАЕТ ТЬМА / HEI CHU YOU SHEN ME	ОКтябрь, 8
16:45	МУЖЧИНА, ГЛЯДЯЩИЙ НА ЮГО-ВОСТОК / HOMBRE MIRANDO AL SUDESTE	ОКтябрь, 10
17:00	НЕПРИМЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК / AN INSIGNIFICANT MAN	ЦДК, 1
17:30	СЕЛФИ / SELFIE	КОСМОС, 1
17:30	ГИППОПОТАМ / THE HIPPOPOTAMUS	ОКтябрь, 7
17:30	ТО, ЧТО НИКТО НЕ ВИДИТ / TAS, KO VIŇI NEREDZ	ОКтябрь, 4
18:25	ЕВРОПА / EUROPA	ЗВЕЗДА, 1
18:30	АНГЕЛЫ РЕВОЛЮЦИИ / ANGELY REVOLYUTSI	ОКтябрь, 11
19:00	ПОСЛЕДНИЙ ВАЛЬС / THE LAST WALTZ	ЦДК, 1
19:00	ЗАМЕНА / REPLACE	КОСМОС, 1
19:00	МЕШОК БЕЗ ДНА / MESHOK BEZ DNA	ОКтябрь, 1
19:00	ИСТОРИЯ АСИ КЛЯЧИНОЙ, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА, ДА НЕ ВЫШЛА ЗАМУЖ / THE STORY OF ASYA KLYACHINA, WHO LOVED BUT NEVER MARRIED	ФАКЕЛ, 1
19:15	ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА / UNA MUJER FANTÁSTICA	ОКтябрь, 8
19:15	СВОБОДА ДЬЯВОЛА / LA LIBERTAD DEL DIABLO	ОКтябрь, 2
19:15	БЫВШИЙ УДАРНИК / EX DRUMMER	ТГ, 1
19:30	БАБОЧКИ / BAVOSCHKI	ОКтябрь, 10
19:35	НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ / BEY YAAR	ЗВЕЗДА, 1
19:45	ПОСРЕДНИК / FIXEUR	ОКтябрь, 5
19:45	ОСКОЛКИ / MIDDLEGROUND	ОКтябрь, 7
20:15		ОКтябрь, VR ЗОНА
21:15	RUSSIAN VR SEASONS	
22:15		
21:00	МИСТЕР ВСЕЛЕННАЯ / MISTER UNIVERSO	ОКтябрь, 9
21:30	РИСК / RISK	ЦДК, 1
21:30	ДЕНЬ СЕНЕКИ / SENECA'S DAY	ОКтябрь, 11
21:45	ПОРТУ / PORTO	ПС, 1
22:00	Я НЕ ВАШ НЕГР / I AM NOT YOUR NEGRO	ГАРАЖ, 1
22:00	ТЯЖЕЛЫЙ МЕТАЛЛ / HEAVY METAL	ОКтябрь, 10
22:20	ТИГРЫ И ЛЮДИ / TIGRY I LYUDI	ОКтябрь, 2
22:30	ДЕТСТВО ЖАННЫ Д'АРК / JEANNETTE L'ENFANCE DE JEANNE D'ARC	ОКтябрь, 5
22:30	НА ПРЕДЕЛЕ / AUS DEM NICHTS	ОКтябрь, 1
22:30	ЛЮМЬЕРЫ! / LUMIÈRE!	ОКтябрь, 7
23:00	ВПУСТИ СОЛНЦЕ / UN BEAU SOLEIL INTÉRIEUR	ОКтябрь, 4
23:00	24 КАДРА / 24 FRAMES	ОКтябрь, 9

ТГ – ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ ЦДК – ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО
ПГ – ЛЕТНИЙ ПИОНЕР В ПАРКЕ ГОРЬКОГО ПС – ЛЕТНИЙ ПИОНЕР В ПАРКЕ СОКОЛЬНИКИ

ПРИЗ ЗРИТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ / AUDIENCE CHOICE AWARD

ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК	ORDINARY PERSON	4,60
ЗВЕЗДАЧИ	STAR BOYS	4,40

РЕДКОЛЛЕГИЯ: ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ / АСЯ КОЛОДИЖНЕР / ОЛЬГА АРТЕМЬЕВА / ЕВА КРАУС / ИЛЬЯ КОПЫЛОВ / НИКИТА КАРЦЕВ / АНДРЕЙ ШЦИГОЛЕВ / МИХАИЛ КУКИН / ПЕТР ШЕПОТИННИК
ПЕРЕВОДЫ: ДАРЬЯ МОРОЗОВА / МАРИЯ ТЕРАКОПЯН / ЕКАТЕРИНА АНИСИМОВА ФОТО: АЛЕКСЕЙ ЮШЕНКОВ / ГЕННАДИЙ АВРАМЕНКО ВЕРСТКА: МАРИЯ РЕВЯКИНА МАКЕТ ГАЗЕТЫ: ДМИТРИЙ МЕТЕЛКИН / ОЛЬГА ЛЬНЯНАЯ

39 МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
39 MOSCOW INTERNATIONAL FILM FESTIVAL IS HELD WITH THE SUPPORT
OF THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

СПОНСОРЫ 39 ММКФ / 39 MIFF SPONSORS

Chopard

МИР
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПЛАТЕЖНАЯ КАРТА

**FETIS OFF
ILLUSI ON**

EISENBERG
PARIS

СамТЭС

САМАРАЭНЕРГО

СРЕДНЕВОЛЖСКАЯ
ГАЗОВАЯ
КОМПАНИЯ

Alokozay
PREMIUM TEA

СТАНДАРТ
A MEMBER OF DESIGN HOTELS

InStyle

Коммерсантъ

РАДИО
NRJ
ENERGY

RIXOS
HOTELS

ANASTASIA ZADORINA
MOSCOW

RHANA
КОРПОРАЦИЯ

THE **Hollywood** РОССИЙСКОЕ ИЗДАНИЕ
REPORTER

HELLO!
WWW.HELLO.RU

Nutrilak
Premium

ДОМ КИНО
премиум

ВРЕМЯ

МОС < КИНО

РОССИЯ 1

WWW.KINOBUSINESS.COM
КИНОБИЗНЕС
СЕГОДНЯ

THE LAND OF
LEGENDS
THEME PARK • HOTEL • SHOPPING AVENUE